

Елена Усачёва

# МЕРТВАЯ СВАДЬБА



ДОМ ТЬМЫ

Елена Усачева

# **Мёртвая свадьба**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-93  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Усачева Е. А.**

Мёртвая свадьба / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2022 — (Дом тьмы)

ISBN 978-5-04-164848-0

Всю жизнь прожил Толик в своём селе – а его секретов не знал. Не знал, что, оказывается, 50 лет назад здесь накануне свадьбы утонул парень. И что проклятие, отправившее его на дно, никуда не делось. Достаточно оказалось пустяка: появления новеньких. Одна из приехавших девчонок – необыкновенная красавица. Вот на неё-то проклятие и перешло. Теперь новенькая того и гляди отправится на дно озера, венчаться с мёртвым женихом... И, кажется, в этой истории не обойдётся без Толика. Кажется, старая тайна имеет к нему какое-то отношение... и запросто утащит под воду и его.

УДК 821.161.1-93  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164848-0

© Усачева Е. А., 2022  
© Эксмо, 2022

## Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28



# Елена Усачёва Мёртвая свадьба



Иллюстрация на обложке *Евгении Кобозевой*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© CGforStock, Vertyr, oksart1, bwx /Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com



В коллаже на форзаце и нахзаце использована иллюстрация:

© Mia Stendal / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Усачёва Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

## Глава первая

### Утро Толика



В каждой деревне есть традиции. Где-то по утрам у колодца ледяной водой обливаются. Где-то по ночам в бане страшные истории рассказывают.

Была своя традиция и в заонежском селе Великая Губа. Звали её Толик. Ещё только первые петухи отпели, ещё только солнце коснулось пыльного листа герани на подоконнике, а его лохматая голова уже мелькала в окнах домов местных жителей. А как мелькнула она, так и хозяин головы вместе с ней появлялся на пороге комнаты. Оглядывал деловым взглядом пространство, хитро прищурился и начинал:

– А у Катьки уже завтракают.

– Иди отсюда, – бурчали из-под подушки. Или из-под одеяла. А иногда и из щели между кроватью и стеной. Всё зависело от того, куда обитатель комнаты успевал спрятаться. Но от Толика так просто не утёшь.

– Прикинь, тетя Валя сырников нажарила. Вкуснотища! – говорил Толик и хлопал себя по впалому животу. Много сырников туда явно не попало. Если вообще хоть один достался.

– Ну и что? – ещё сопротивлялся как будто бы спящий, но на самом деле проснувшийся Игорёк Григорьев, – а в это утро Толик забежал сначала именно к нему.

– Катька и так толстая, – протянул Толик и широко улыбнулся. – Куда ей?

Игорёк обречённо сел в кровати.

– Отвали, а?

– А ещё, – Толик облокотился о косяк двери, – корова у баб Ариши охромела.

– И чего? – зевал и чесался проснувшийся.

– Отстанет от стада. Искать её потом. А кого пошлют? – развёл руками Толик. – А кого надо, того и пошлют.

Игорёк покосился недовольно. У баб Ариши самое вкусное молоко, брали по очереди, и как раз сегодня его очередь подходила. Ещё нескладное со сна тело залезло под кровать в поисках шлёпанцев.

– А водички у тебя нету? – снова почесал свой тощий живот Толик. – Пить хочется, удержу нет.

– В чайнике, – отозвался из-под кровати Игорёк.

Было слышно, как булькнула вода, как звякнула кружка. А потом соломенная голова Толика мелькнула вдоль парадных окон дома и исчезла.

Через какое-то время – с часами никто не стоял и за Толиком преданно не бегал, но село Великая Губа большое, поэтому от одного нужного дома до другого за пять минут точно не дойдёшь, да и за десять можно не добраться, а если талант проявить, так и все полчаса станешь круги нарезать, – так вот через какое-то время Толик оказался около следующего дома. И всё по традиции: сначала голова в окне, потом персона на пороге.

– Вы ещё спите? – протянул он, и сквозь его лохматые волосы пробилось раннее солнце, заглянувшее в дверной проём поверх соломенной макушки. – А у Григорьевых уже встали. Мать бутерброды строгаёт.

– Зачем? – донёсся из-под одеяла вопрос.

– Так он идёт сегодня баб Аришину корову ловить.

– Зачем? – не утруждала себя разнообразием вопросов спящая, а на самом деле уже никакая не спящая Сонька.

– Так она охромела, может отстать.

– Было бы где отставать, – фыркнула Сонька и бодро перевернулась на другой бок, заставив пружины скрипеть, а тело подпрыгивать. – Коровы дальше берега не ходят.

– Ну, – поддакнул Толик и, сменив опорную ногу с левой на правую, привалился к косяку. – А новеньких видела?

– Кто там ещё? – зевнула Сонька, сквозь слипающиеся ресницы глядя на пыльное окно, в которое уже билась трудолюбивая муха.

– Так к бабе Свете приехали. Они вчера у магазина стояли.

– Парни?

– Кажись, сёстры. Одна высокая, другая младшая.

Сонька фыркнула и потянула одеяло на голову.

– Видела. Они уже два дня тут. С чего ты взял, что это сёстры?

– Так похожи.

– Что? – разлепила глаза Сонька. – Где ж похожи, если одна дылда, а другая коротышка. На одну без слёз не взглянешь, а вторая ничего.

Толик хмыкнул, подумал о чём-то своём и скользнул вон из избу.

– А зовут-то их как? – приподнялась в кровати Сонька.

– Ирка и Маринка, – крикнул Толик из сеней, а потом голова его традиционно мелькнула в окне: – Их бабка так кликала вчера вечером. А молока дашь?

– Да иди ты! – отмахнулась Сонька и полезла под кровать за шлёпками.

Толик шагал дальше, прикидывая маршрут. Можно было сразу домой, но тогда он успевал заглянуть только к Кольке. Если сделать крюк по Зелёной улице, то можно было заскочить к Ритке, а заодно глянуть на новеньких. Они ещё не очень обжились и дальше магазина не ходили. Городские – это всё, что о них знали. Ещё имена. Но это было не самое интересное.

Толик пробежал мимо своего поворота и рванул по улице прямо. Навстречу шла задумчивая корова. Остановилась, потёрлась боком о фонарный столб. Похожа на баб-Аришину, но не хромая.

Около забора бабы Светы стояла Ритка и чесала обожжённую крапивой голую ногу другой голой ногой. Эта другая нога была изрядно покусана, на икре звёздной россыпью красова-



лись комариные отметины. Толик прокрался за спиной соседки и присел на корточки около забора, его глаза оказались как раз над нижней перекладиной.

– Что тут? – прошептал он.

Ритка взвизгнула, отпрыгнула от забора, чуть не отломав от него рыхлую штакетину.

– Вот, чёрт, напугал, – она бросила в него щепку и сменила ногу чесания. – Подкрался, как...

– Не бойсь, – ухмыльнулся Толик – он любил, когда кто-то чего-то от него не ожидал. – Пойдём сегодня на рыбалку?

– Делать мне больше нечего, – повела плечом Ритка, сбрасывая с этого плеча лохматую рыжую косу.

Отказ вызвал в Толике повышенную радость, он разулыбался от уха до уха.

– Говорят, ряпушка пошла, – доверительно сообщил он. – Или плотвы натаскаем.

– Да иди ты, – отвернулась Ритка. – Летняя ряпушка рыхлая, а у меня дела.

– Дела у неё, – беззлобно протянул Толик, – с сестрой в коляске ходить.

– Ах ты! – Небольшая крепкая ладонь впечаталась в тощее Толиково плечо. Толик покачнулся. Вместе с ним покачнулся забор. В деревянной конструкции что-то треснуло.

Толик отбежал в одну сторону. Ритка в другую. Угодила в крапиву, зашипела, запереби-рала ногами, ища некусачее место.

– Кто там? – крикнули из дома.

На ступеньки вышла высокая худая девчонка. Она уцепилась за столбик крыльца, свесилась вперёд. Светлые волосы были собраны в хвост. Короткий сарафан не прикрывал острых коленей. Первый загар тронул её щёки, рассыпал веснушки по носу, делая лицо очень красивым.

– Корова, – протянула она, вглядываясь в густую зелень зазаборья. – Тут у них сплошные коровы. Впервые вижу, чтобы коровы ходили одни по улицам.

– Но они же вместе.

Из темноты сеней выглянула ещё одна девчонка, невысокая и бледная. Черты её лица казались как будто стёрты: светлые ресницы делали глаза невыразительными, тонкие губы были почти незаметны, а острый нос с глубокими складками рождал сходство с грустной совой. По виду нельзя было сказать, кто из них старше. Сонька была права: одна выше и ничего себе, другая ниже и полная печаль.

– Ага, вместе. – Девушка у столба вдруг рухнула своим тощим телом на ступеньку, усе-лась, натягивая сарафан на коленки. – По улице не пройдёшь, сплошные какашки.

Её невысокая сестра перекатила в пальцах маленькое красное яблоко и задумчиво улы-нулась. Высокая вывернула шею, чтобы посмотреть на неё.

– Что молчишь?

– Мне кажется, на нас смотрят, – ответила невысокая, всё так же неприятно улыбаясь.

– Коровы! – Высокая выхватила из рук сестры яблоко и запустила в забор.

Толик рванул через лопухи к дороге. Ритка скакала за ним, ухитряясь наступать в каждую крапиву.

– Во ведьмы, прям почуяли, – довольно потёр руки Толик.

– Сами они коровы, – недовольно буркнула Ритка, расчёсывая новые укусы крапивы.

– Их зовут Ирка и Маринка, – сообщил Толик. – Так баба Света вчера кликала. Та, что выше, Ирка. Она сумку тащила из магазина.

– Да ну их, – Ритка побежала к своему дому. – Сразу видно, дикие. Будут на участке сидеть и не высунутся. Только до магазина и обратно.

Толик побежал за ней. До поворота им было по пути.

– Яблоки жрут с утра. Надо же! – крикнул он, на ходу потирая впалый живот. – Ты куда?

– Мать велела с сеструхой посидеть, пока она на огороде будет.

- Я тоже домой, – Толик свернул на свою улицу. – После обеда приходи купаться.
- Если время будет. Мать про сено что-то говорила.

Толик махнул на прощание рукой и припустил по улице.

Родной дом он мог найти с закрытыми глазами по звуку: с раннего утра из распахнутого окна слышался стрёкот швейной машинки. Склонённая мамина голова. Лицо светлое, чистое, а взгляд настороженный. Она почему-то всегда так смотрит. Словно опасается чего.

- Толь, почему не позавтракал? – крикнула мать, не отрываясь от шитья.

– Я у Катьки сырников поел, – Толик устроил локти на подоконнике. Солнце приятно грело затылок и спину.

- Про огород помнишь?

Стол был завален разноцветным материалом. Гора хлопка и сатина двигалась, шевелилась, дышала.

– Я вечером на рыбалку. – Толик с улыбкой смотрел на мать, на то, как быстро бежит ткань под её руками. В какой раз удивлялся её тонким красивым пальцам.

– Вот переломаю я твои удочки, будешь знать, – отозвалась мать, недовольно качая головой.

Машинка продолжала строчить, ткань по столу ползла, и казалось, что это сам стол движется. Не переставая давить на педаль привода, мать вдруг сунула руку в ворох тканей и что-то выбросила в сторону окна.

- Светлане Егоровне отнеси. Она просила передник прострочить.

Толик перехватил тряпку, крутанул в кулаке, рассматривая. Фартук был сделан из светлой ткани, но не новой, а пожившей. Была в ней какая-то историчность. И тесёмки затёртые. Зачем такое прошивать?

Мать кивнула, угадав мысли сына.

– К ней внучки приехали. Она старый передник под них перешивает. Хочет их хозяйству учить.

Мать подняла прижимную лапку, оборвала нитки о резец, посмотрела на получившийся шов. Быстро сплюнула через левое плечо, прошептала приговор. Толик ухмыльнулся. Мать была полна присказок, поговорок, примёт; если ей что-то казалось, она непременно плевала через плечо и стучала по дереву. Ну и заговор бормотала.

- А внучки не родные, – неожиданно сказала мать. – У неё-то самой детей нет.

- Почему? – Толик не понял, зачем ему это сказали.

Мать подняла на него глаза:

- Убежишь, опять ничего не сделав, ой, переломаю я твои удочки.

- Удочки не тронь. Батины, – буркнул Толик и сполз с приступка.

Идти обратно тем же путём, по которому он только что пришёл, было скучно. Он добрался до школы, обогнул её вдоль забора, посмотрел на пустую спортивную площадку. Сбоку от неё торчал столб с баскетбольным щитом. Мяч есть в библиотеке, есть в ДК. И там, и там пока закрыто. Сдутый мяч мог найтись и где-то в кустах. Кажется, в прошлый раз они с Игорьком его тут бросали.

Освобождая руки, Толик повязал фартук на талии, сдвинув на бок, чтобы не мешал, и полез через забор. Сетка застонала под его весом.

Мяч нашёлся под деревьями. С перепачканным зелёным боком и глубокой вдавленностью. Она рождала непредсказуемость броска. Из-за сдутости мяч и так почти не прыгал, а вдавленность ещё и траекторию сбивала.

Щит дрогнул от первых ударов, грохот разогнал птиц с деревьев. На пятый удар из школы выглянул сторож.

– Так, а ну пошёл отсюда! – крикнул он, грозя кулаком и явно собираясь дойти до сарая, чтобы вернуться оттуда с лопатой или метлой. Мог и косу прихватить.

– И что же ты, паразит, делаешь? – сторож сошёл с крыльца. – Что на себя напялил?

Толик оглядел себя, соображая, что с его одеждой могло быть не так, увидел передник и помчался к забору. Пока лез, помнил, что надо забежать к бабе Свете и поскорее избавиться от фартука, но как только пятки его коснулись земли, забыл об этом. Вместо того чтобы повернуть направо, он перебежал дорогу и повис на ближайшем заборе.

Большой двухэтажный карельский дом с высоким мезонином заметно покосился, но ещё держался бодро. Перед ним был разбит огромный огород с идеально ровными грядками. У дальних сараев грядки охранялись чучелом, наряженным в зелёный резиновый плащ химзащиты, на башке у пугала был противогаз, гофрированный шланг заправлен в карман. Из-под плаща снизу торчали длинные болотные сапоги. На груди висела табличка «Враг не пройдёт» с перечёркнутой вороной.

Толик поднял камешек, бросил, метясь в пугало. Попал по лопухам. Лопухи в ответ шевельнулись, выдавая чьё-то присутствие. Толик пригляделся, разулыбался, спросил:

– Праздник-то в выхи будет?

Лопухи расступились, и из-под них показалась синяя кепка, нахлобученная на светлую голову. Лицо было щедро усыпано веснушками. Это был второй дружан Толика, Колян Снегирёв.

– Мать репетировать в ДК ушла, значит, будет, – ответил обладатель кепки.

– А говорили – дождь.

Колян задрал голову к абсолютно чистому небу. Небо это разрезали мечущиеся в вышине чёрные стрижи.

– Не, ушла. – Колян вытянул травинку из зарослей между грядок и сунул в зубы.

– Пóлешь? – Толик кивнул на грядки.

Колян глянул по сторонам.

– Морковку надо, клубнику оборвать, чего-то ещё. До обеда управлюсь. А потом купаться.

– Купаться, – согласился Толик, сползая с забора.

Лопухи скрыли хозяина кепки.

Раз мать Коляна ушла репетировать заонежскую кадрили в ДК, то клуб открыт и там можно раздобыть мяч. Но к мячу надо раздобыть ещё пару игроков, а они до обеда точно будут заняты. Только если к вечеру освободятся. Но вечером в клуб обычно приходит Наташа, а она мяч не даёт. Сразу придумывает задания. Свободен? Беги выполни просьбу.

Толик побрёл к торговому центру и только сейчас заметил, что всё ещё обёрнут в передник. Он стал его снимать, но тесёмка, завязанная на бантик, растрепалась и затянулась. В борьбе с непокорным узлом ему помогла Сонька. Она бежала от углового магазина, куда уже привезли местный чёрный хлеб. Пока она развязывала, сунув буханку под мышку, Толик унюхал запах самого вкусного хлеба во всём Заонежье, отщипнул кусочек. Горбушка хрустела на зубах. Сонька позволила Толику отломить ещё разик, и он немного прошёл вместе с ней, вгрызаясь в поджаренную корочку, и остановился только около площади. За дорожным бордюром начинался небольшой склон, ведущий к Великогубскому заливу могучего озера Онего.

– Про новеньких чего узнал? – спросила Сонька, сворачивая по дороге налево. Толик дальше не пошёл.

– Яблоки по утрам жрут, – ответил Толик и почесал пузо. – Из города, что ли, привезли?

– В магазине купили, – фыркнула Сонька, уходя вверх по проулку.

– Купаться пойдёшь? – крикнул Толик.

– Если мать отпустит, – крикнула в ответ Сонька, не оборачиваясь. – Она с утра тесто на пироги поставила.

– Пироги, – протянул Толик, задумчиво глядя на огрызок хлеба в руке. Сунув горбушку в рот, он полез через бордюр, спустился к берегу и уселся на удачно пристроенное тут бревно, подложив под себя для мягкости фартук.

В затоне стояли коровы. Они мотали головами, отгоняя комаров, и тяжело вздыхали. От воды на Толика единым фронтом шли утки. Трое мелких, ещё пушистых, и одна крупная. Утки недобро смотрели на Толика. Он быстро прожевал остаток горбушки и показал пустые руки. Утки возмущённо закричали, самая мелкая двинулась на штурм его ноги. Пришлось шевельнуться, показывая разницу размеров. Большая утка зашипела, издала пронзительный крик, и вся гвардия отступила. Коровы в воде грустно трясли головами и шевелили ушами.

На солнце Толика разморило, он уже подумывал поспать, но тут по дороге к почте прошли новенькие. Увидев их, Толик много что вспомнил. Что сегодня среда, а значит, почта работает. И, наверное, мать пойдёт за пенсией. Что он должен бабе Свете отнести передник. И что надо натаскать воды, если он хочет уйти после обеда купаться, а вечером с целыми удочками отправиться на рыбалку. И ещё что-то там было про огород.

Толик вскочил, отчего утки, устроившиеся около бревна, заполошно вздёрнулись, влетели в воду, перепугав коров. Те заволновались, задвигались, отходя к мелководу. Толик перелез через загородку, дошёл до церкви, а от неё свернул в первый проулок.

Баба Света, высокая прямая старуха, вся облачённая в чёрное, стояла во дворе около бочки с водой и наполняла лейку. Толик обрадовался. Заходить в дом не хотелось. Через забор передаст и сбежит.

– Я фартук принёс! – Толик потрянул над головой посылкой. Он уже собрался накинуть тряпку на штaketник и бежать, но баба Света разом выдернула лейку из бочки, отставила и пошла к нему.

– Сделала, да? Я думала, из этой тряпки ничего не получится.

Это было начало разговора. Толик вздохнул и сунул руку в щель между планками, нащупывая вертушку.

– Утром сразу и сделала.

Он глянул на фартук, заметил обтёрханный край завязки, непонятно откуда взявшееся зелёное пятно и изрядную помятость. Попытался скрутить передник так, чтобы грязь не сразу бросалась в глаза. Но баба Света смотрела не на передник. На Толика. Он нахмурился, пытаясь припомнить, что натворил за последнее время. Вроде бы ничего.

– Вот, – пихнул он свёрток старухе в руки и отступил.

– Спасибо передай, – баба Света даже не посмотрела, что взяла. Вдруг перехватила Толика за локоть. – А к тебе у меня будет просьба.

Толик вздрогнул, такие крепкие пальцы оказались у старухи. Да и вообще вблизи она была какая-то не очень приятная. От неё кисловато пахло старостью. И взгляд был злой. Что она могла у него попросить? Картошку окучить?

– Девчонок моих как-нибудь познакомь с людьми, – произнесла баба Света. – А то они дома сидят, никуда не ходят.

От просьбы Толик оторопел. Лучше бы картошку попросили протяпать.

– Пошли вроде куда-то, – протянул он. – Я их у почты видел.

– Открытки друзьям в Москву отправляют. А так всё дома и дома. Я-то с детьми не умею. Да и гостей у меня никогда не было. Может, ты с ними поговоришь?

– А чего дома?

– Говорят, коров бояться.

– С чего это?

– Да кто их, городских, поймёт.

Баба Света покрутила между пальцами тесьму передника, словно ещё какое задание придумывала.

– Помогу, – быстро произнёс Толик, отступая к калитке. – Мы как раз сегодня купаться пойдём. А вечером на рыбалку. Они рыбу ловят?

Баба Света перевела взгляд на Толика, словно хотела спросить: «Ты что, баламошный?» – но сказала другое:

– Про рыбу не знаю. Может, и ловят.

– Я им тогда скажу, – заторопился Толик. – Как раз сейчас мимо почты пойду. А то мне бежать пора. Надо воду натаскать. Картошка там...

Баба Света недовольно поджала губы, сворачивая передник. Показала его Толику.

– Старшей подарю. А то они какие-то нехозяйственные совсем, – произнесла она. – А ты...

Толик не стал слушать, рванул к калитке. В нём боролись противоречивые чувства. К странным сёстрам близко подходить не хотелось, тем более куда-то их звать. Малахольные они были, на сычей похожи. Но привести городских в их компанию – это круто. Два дня они тут, а местные девчонки всё кругами ходят. Он же так – раз, и под ручки на пяточок заявится. Толик почесал нос, вспомнил холодный взгляд высокой Иринки и какой-то совершенно пронизывающий – бледной Маринки. И как бледная узнала, что они с Риткой за забором?

«На нас смотрят...» – мысленно передразнил он новенькую. Раз они всего боятся, то можно сделать так, чтобы их встреча с местными закончилась не дружбой, а враждой. И пускай дальше сидят за своим забором, учатся передники повязывать. Он просьбу бабы Светы выполнит, а за последствия не отвечает.

Толик вновь обогнул церковь и тут же был пойман матерью.

– Где тебя носит? – проворчала она. – Полдня прошло, а бочки пустые.

– Я фартук отдавал, – протянул Толик.

– Отдал? – Мать смотрела мимо него на дорогу, явно кого-то поджидая.

– Спасибо сказала, – отчитался Толик, – и ещё просила её внучек на рыбалку взять.

– Куда? – Мать забыла о своём высматривании и уставилась на сына.

– Они у себя дома рыбу ловят, – не моргнув глазом соврал Толик. – В реке.

– Ну, если ловят... – мать опять стала кого-то искать на дороге. – Я их на почте видела. – Отпустила рукав сына и пошла к торговому центру. – И про бочки не забудь. Про картошку тоже.

– Ага, – кивнул Толик. Он никогда о делах не забывал, всего лишь умело откладывал.

Постоял, посмотрел по сторонам. Никаких поводов дальше откладывать знакомство с новенькими не нашлось.

Одноэтажный приземистый деревянный дом с высоким крыльцом был покрашен в зелёный цвет и поделён пополам. В левой половине устроился Сбербанк, в правой почта. В часы работы и там, и там всегда толпился народ. Толик сунулся на половину почты и сразу упёрся в спину.

– За мной сказали не занимать, – буркнул мужик в спецовке. На его слова повернулась вся очередь, чтобы посмотреть на того счастливчика, что зря пришёл. Первые глаза, с которыми Толик встретился, принадлежали бледной Маринке.

Толик выпал за дверь, выбрался на крыльцо, облокотился о перила. Утро разгоралось. Надо было и правда идти заниматься делами. А девчонки... их можно позвать на рыбалку и как-нибудь потом. В любом случае они вряд ли заинтересуются таким предложением.

Толик побежал домой, по дороге зайдя только к Коляну. Владелец синей кепки заметно продвинулся в своей работе, теперь он сидел под пугалом и грыз семечки.

– Тебя моя мать искала, – крикнул Колян.

– Меня? – Толик почувствовал себя страшно важным человеком: всем он был нужен, все его искали.

– Хотела что-то твоей матери передать.

– А мать ушла, – ещё больше обрадовался Толик, потому что был сейчас носителем ценной информации.

– Так и моя тоже. Вернулась из ДК и сказала, что съездит в Шуньгу.

– Чего там? – Толик повис на заборе.

– Туда Серёга на машине поехал. Вроде как ярмарка будет.

– Ага, – удовлетворился ответом Толик. Ярмарка в Шуньге это нормально. Ярмарки там исторические. – А ты знаешь, что раньше на эту ярмарку черти прилетали?

– С чего это им туда прилетать? – Не сильно заинтересовался новостью Колян.

– Как же? Это все знают! Была однажды ярмарка, как раз под Рождество. И вот одна баба пошла покупать что-то. Взяла с прилавка, попробовала, ей не понравилось. Плюнула, сказала, что как у чёрта. Чёрт тут же появился и сказал, что если как у него, то и ей быть чёртом, и превратил бабу в свинью. С тех пор всякого, кто что-то на той ярмарке пробовал да ругал, в свинью превращали.

Колян тихо засмеялся.

Толик ещё немного повисел на заборе и уже собрался с него сползать, когда на дороге показалась культорганизатор Наташа. Невысокая и худенькая, она ухитрилась быть везде и всегда. И, главное, её отовсюду было слышно.

Толик рванул вдоль забора, спотыкаясь о траву, но спрятаться не успел.

– Стоять! – Рост Наташа имела невысокий, но голос зычный. – Ты что делаешь?

– Домой иду, – Толик сбавил темп, но останавливаться не стал. Себе дороже.

– Я с тобой, – привязалась Наташа. – Ты к Снегирёву заходил? Он на огороде?

Толик бросил взгляд через забор. Вялое покачивание пугала сообщало о том, что Колян благополучно спасся.

– Не застал никого, – остановился Толик.

– Ладно, найду, – грозно пообещала Наташа, подходя ближе. – Мать дома?

Здесь к Толику вернулось хорошее настроение.

– Нет, ушла, – с удовольствием сообщил он. – До обеда не будет.

– Жалко. Я хотела у неё кое-что взять.

– Могу передать. Но позже. А что нужно?

Наташа упёрла руки в боки и нервно прикусила губу.

– Позже мне не подходит. У меня фотограф приехал. Срочно нужны костюмы. Будем делать тематическую съёмку.

– Что такое тематическая? – удивился Толик.

– Нарядим вас в костюмы, и будет как в старину. – Наташа вытянула телефон из кармана. – Ну ладно, пойду твою мать искать. А ты к вечеру ребят собери, обсудим. – Она ткнула в Толика пальцем. – В пять. ДК. Не опаздывай.

Толик задумчиво посмотрел на пыльные ноги в шлёпках. День сегодня складывался интересно: у всех к нему какие-то просьбы. Он подумал обсудить это с Коляном, но вспомнил, что Наташа позвонит сейчас матери, а значит, они скоро вместе могут прийти домой, и побежал к давно ожидавшим его бочкам.



## Глава вторая Сиверик



Из-за дальнего берега залива солнце тянуло за собой облака, *намайнивая* скорые дожди. Потянуло холодом, обещая злой северный ветер сиверик.

Но пока солнце ещё жарило, и на мелководе вода прогрелась. После часа народ стал подтягиваться к пляжу. Толик, нагруженный очередными заданиями от матери, прибежал поздно и у озера догнал рыжую Ритку, тащившую по склону розовую коляску.

– А ты почему с мелкой? – спросил Толик, перехватывая ребристую ручку.

– Мать без сеструхи не отпускала, – Ритка затрясла уставшими запястьями, поморщилась. – Ты видел? – кивнула она в сторону воды.

Толик глянул на пляж поверх розового колясочного капюшона. Рядом с толстой Катькой стояли новенькие. Толик скривился. Красивый план, что он так – опа, и герой вечеринки, развалился. Раздражение на новеньких в душе заметно выросло.

– Чего они припёрлись, если даже без купальников? – проворчала Ритка.

Новенькие были в полной амуниции: сарафанах и сандалиях, на головах панамы. Рядом с Катькой в купальнике они смотрелись полярными лётчицами.

Толик молча потянул коляску к песку, забуксовал и поставил технику на прикол. Кряхтящая до этого мелкая уснула.

Новенькие во все глаза смотрели на подхихивших Толика и Ритку.

– А это Толик, – радостно доложила Катька и выпятила для солидности живот. – Его мать шьёт. – Она замахала Толику рукой. – Смотри, кто здесь!

Толик натянул улыбку.

– Здравсьте, – склонился он. – Вливаетесь в коллектив?

– Их Сонька привела. Они теперь подружки, – сообщила Катька.

– Купаетесь? – Голос Толика был мягок и сладок.

– Мы без купальников, – отрезала высокая Иринка, а низкая Маринка наградила его взглядом Снежной королевы.

– Ага, – не сдавался Толик. – На пляж-то оно – ага.

Ритка сдёрнула с плеча полотенце, хлестнув им Толика по спине.

– А как же вы купаетесь? – нежным голосом произнесла Маринка. – Тут же коровы.

Толик посмотрел на залив. Коров не было. Он даже подумал, что он сейчас с новенькими смотрит разное кино: у них коровы, а у него нет. Положение спасла Катька.

– Так я уже говорила, что коровы около причала. Там в жизни никто не купался. А тут чисто. Мы и воду отсюда берём.

Высокая Иринка уставилась на озеро. Взгляд у неё был такой, словно она на глаз определяла уровень вредоносных бактерий на литр воды.

– Здорово, – пропела у неё за плечом Маринка. – А что ещё у нас интересного?

Толик стянул футболку, отметив про себя объединяющее «у нас». Значит, прописались уже, обжились.

– Да у нас всё что угодно есть, – заговорил он, обводя рукой горизонт, набухавший облаками. – Сюда «кометы» из Кижей приходят.

Лица сестёр не дрогнули, информация про лихое пассажирское судно на подводных крыльях не задела их каменные сердца.

Толик бросил футболку под ноги.

– Ещё у нас есть дом купца Костина, – сообщил он. – Историческое место. Сам Пётр Первый в нём бывал.

Катька с Риткой уставились на Толика, но он держал лицо.

– Это который у торгового центра? – осторожно спросила Маринка. – Двухэтажный, с белыми наличниками?

– Нет, другой, – Толик изобразил лицом презрение: они тут уже два дня, а всё ещё не знают основных вещей. – На площади дом Елизаровых. Они крестьянами были. – Он скинул шлёпанцы. – Ещё у нас соляной родник есть. Если из него воды попить, никакая болезнь не пристанет. Но это вы сами не найдёте, проводник нужен.

И посмотрел так, чтобы новенькие сразу поняли, никуда вести он их не будет. А если всё-таки захотят на родник, то только к нему и можно обратиться. Вот так у них тут всё серьёзно.

– А ещё, – двинул он вперёд своё главное смертоносное оружие, – у нас тут былины собирали и скоморохи жили.

Взгляд Иринки стал такой, что Толик сразу понял: про скоморохов это он зря. Сейчас она его в скоморохи и запишет. И будет он бит, как те давние потешники, что были изгнаны сюда при Иване Грозном. С ними-то и пришли былины, что потом обнаружили учёные. Про всех этих Муромцев и Никитичей. Но про них, пожалуй, тоже не надо.

– Ой, да не слушайте вы его, – не выдержала Ритка и толкнула Толика в плечо. – Нормально тут у нас. Приходите вечером к крайним домам, это там, где дорога заканчивается. У нас там пятачок.

– Не пятачок, а место рыбалки, – обиделся Толик. – А в выходные регата будет.

Маринка обледенила его взглядом. Он даже почувствовал, как хрустит от движений образовавшийся на его коже лёд.

– Чего? – возмутился Толик. – Настоящая регата и Заонежская кадрили. Праздник. К нам на лодках со всего берега приходят. И парусник с Кижей, «Святитель Николай» называется.

Сёстры смотрели на него выжидательно. Что-то ещё надо было сказать. Вот прям срочно и чтобы наповал. Чтобы эти приезжие сразу поняли: всё не зря.

– А ещё у нас тут призрак жениха ходит, – выпалил он.

– Чего? – развернулась к нему Катька.

– Ну здравствуйте, – всплеснул руками Толик. – Свадьба-то была. Лет сто назад. Жених с невестой плыли на лодке к нашей церкви. А лодка возьми да перевернись. Хорошо, навстречу пленный поляк на своей лодке попался. Нырнул и спас невесту. А жених так и потоп.

Его внимательно выслушали. Иринка переступила с ноги на ногу.

– Только невесту спас? – уточнила она.

– Он её за фату ухватил и вытянул. – Толик руками изобразил поляка, тащившего невесту, вышло, как дед репку.

– Ой, врёт как дышит, – фыркнула Катька и пошла к воде, крепко пропечатывая пятки в песке. На мелководье плескалась осторожная Сонька, на глубине показывал класс Колян.

– Чего вру-то? – Толика задело отсутствие солидарности среди своих. Катька могла бы и поддержать. – Всё так и было. Он потом на ней женился. Поляк. У нас в деревне до сих пор польская фамилия сохранилась – Илатовские.

– А поляки тут откуда? – осторожно поинтересовалась Иринка.

– Их сюда сослали. После Смутного времени, – с раздражением отозвался Толик. Вот зачем он сейчас очевидные вещи говорит? Кто ж не знает, откуда на Руси поляки. А потом ещё шведы. Ну и французы. – Так... это... клады же.

– Какие клады? – В голосе Иринки появилось что-то нехорошее. Как будто она сейчас ржать начнёт.

– От поляков, – из последних сил держал оборону Толик. Он искал поддержки у Ритки, но та смотрела на воду и сейчас была не с ним. – Приехали с сокровищами, что наворовали в Москве, и здесь их закопали. В Толвуге. Много кто искал, а давались клады только полякам. Вот Костику Илатовскому точно бы дался.

– Костику? – уточнила Иринка.

– Он сейчас не в селе. К бабке уехал в Питкяранту, это рядом.

Толик поддёрнул плавки и попятился к воде, понимая, что пора купаться, а то ещё чего-нибудь наговорит. Не выдержал, уже стоя в воде, обернулся:

– А покойник этот, ну, который жених, невесте являлся. Правда! У нас тут любовь сильная. Вот в Ламбасручье есть Горка любви. Если на неё с кем-нибудь подняться, любовь до гроба потом случается. Один парень пошутил, поднялся с девчонкой, а потом избавиться от неё не смог. Он её на автобус сажает, автобус ломается. Машину ловит – машина ломается. На лодке повёз – перевернулась лодка. Так вместе и живут. Вот!

Толик решительно штурманул мелководье, проклиная себя за разговорчивость. Но тут ему в голову пришла гениальная идея.

– А кстати, этого жениха и сейчас встретить можно, – крикнул он. – Приходите на рыбалку, увидите.

И с чувством выполненного долга погрузился в воду. Плавал Толик не очень хорошо, поэтому остался плюхаться вместе с Сонькой. Она его тут же обрызгала, потом попыталась притопить. Толик с удовольствием ухнулся на дно, а когда, нахлебавшись воды, выплыл, на берегу сиротливо розовела коляска, рядом стояла Ритка, сосредоточенно эту коляску трясущая, а новенькие ушли. Катька сделала смелый шаг вперёд, теперь она стояла по колено в воде. От кустов раздался всплеск, от своей стороны пляжа в озеро прыгнул Игорёк. Прежде чем в ответ притопить Соньку, Толик вспомнил, что всех их требовала к себе Наташа. Но портить общее настроение не хотелось.

Он собрался опуститься с головой, но прямо перед собой под водой увидел жуткое лицо в ореоле взметнувшихся волос. Паника парализовала. Он хотел крикнуть, но «утопленник» протянул руки, схватился его за лодыжки и дёрнул. Уже плюхаясь, Толик придумал, как отомстит этим неверующим новеньким. И на радостях даже не стал догонять уплывающего на глубину Коляна.

Мелкая раскапризничалась, и Ритка утащила коляску с пляжа, так и не искупавшись. Ветер припустил, поднимая волну. Первой на берег выбралась Катька, за ней вышла Соня. Они закутались в полотенца и занудили, как им холодно. Толик трясся под ветром, пытаясь найти в футболке правильную сторону. Игорёк сидел в озере по горлышко и кричал, что он самый умный: в воде нет ветра, поэтому ему тепло.

– Ты им сказал? – обрушилась сверху Наташа. Она ухитрилась подойти незаметно, прятаться было поздно.

Толик сунул голову в футболку и принялся старательно в ней путаться, раскручивая на шее.

– Значит, так, – долетал до него голос худрука. – Вы все участвуете в проекте «Старинная фотография». Наряжаемся в костюмы и фотографируемся. Сегодня смотрим костюмы: кому чего не хватает и что подогнать надо, а завтра съёмка. К пяти всех жду в ДК. Пацанам с улицы Геологов скажите, я до них уже не успею. И кто-нибудь предупредите Марусю. Пусть у бабки попросит с коровой пофоткаться.

Толик продел голову в горловину футболки. Улица Геологов – это Сонька. Она там рядом на Пионерской живёт. Маруся – тоже она, это улица Механизаторов.

– А мне вообще в другую сторону, – упёрлась Сонька. – Сначала в магазин, а потом к дядь Лёне узнать про велосипед.

Наташа начала спорить, Сонька отругиваться. Толик тоже вспомнил про дела. Мать всё-таки напомнила про картошку, и ещё надо было зайти в промтоварный к тёте Лене за тканью, она обещала сразу отложить в завоз. До обеда он видел, как магазинная «газель» пылила в сторону Великой Нивы. Значит, разгрузилась. Значит, надо заглянуть. А то мать и правда за удочки возьмётся.

С Коляном дошёл до центральной площади. Заглянуть в магазин за мороженым тот отказался, сказал, что батя велел к трём быть: пока не начались дожди, за сеном съезжают. Толик сунулся в магазин, но как раз у холодильника там стояли Иринка с Маринкой. Выскочил на крыльцо, укрепляясь в мысли, что делать с этим что-то надо.

На примерку к Наташе он опоздал: его задержали с тканью, потом пришлось чинить тяпку. В клуб прибежал уже после шести, крепко сжимая в кулаке удочки. В актовом зале на лавке одиноко сидела Ритка и сосредоточенно качала ногой.

– А чего, уже всё? – одновременно и обрадовался, и слегка разозлился Толик.

– Ага, – зевнула Ритка. – Наташа ушла с коровой договариваться.

– А народ?

– Девчонки у твоей матери сарафаны подгоняют, а пацаны не знаю.

– А ты?

– А я ничего. Наташа хочет, чтобы я мелких искала, а я лучше здесь посижу. Мать меня до вечера отпустила.

Толик глянул на ворох одежды около лавочки. Сверху лежал неожиданный новогодний сарафан Снегурочки – серебряная ткань с золотой окантовкой и такой же вставкой по центру. От удивления Толик даже взял костюм в руки. Ткань неприятно хрустнула. К сарафану нашлась белая рубашка. Он отложил это всё, стал ворошить тряпки дальше. Вытянул алые шаровары и холщовую косоворотку с красной каймой. Ткань на ощупь была похожа на ту, из которой мать сшила бабе Свете фартук, жёсткая.

– А давай покойников сыграем? – предложил он Ритке.

Та почесала одной голой ногой другую голую искусанную ногу и кивнула.

На пятачок Толик пришёл первым. Накопал червей, расставил удочки, натаскал валежника для костра, выловил первых плотвичек, снова забросил крючки и пошёл изучать берег.

Дно здесь было валунистое, особенно не разгуляешься. Спасали кусты. Если что, за ними можно было спрятаться. Облака, превратившиеся уже в хорошие тучи, медленно наползали. В воздухе появился холод. Он накатывал волнами. Но дневное тепло ещё побеждало.

Когда Толик выбрался из воды, на бревне около костровища уже сидела Ритка и загадочно сверкала глазами. Впасть в полную загадочность ей мешали комариные укусы – она постоянно отвлекалась, чтобы почесать то правую, то левую ногу. Приход Катьки предупредил грохот: она несла котелок, а топающий следом Игорёк тащил треногу.

– Спички взял? – поприветствовал его Толик.

– Колян принесёт, – ответил Игорёк, перекидывая соломинку из одного уголка рта в другой. – Он сказал, что ещё Серёга с мелким появится.

Толик кивнул и убежал к удочкам. Небо давило на воду, темнило её. Рыба клевала как сумасшедшая.

– К дождю, – глубокомысленно протянул подошедший Игорёк и подхватил дёрнувшую поплавок удочку.

– Это они сиверик чуют, – согласился Толик. – Батя говорил, на изменения погоды всегда хорошо клюёт.

Холод прострелил по воде, коснулся щиколоток. Игорёк переступил с ноги на ногу. Над водой поплыла лёгкая дымка. Туман наступал, выбеливая воду. Толик задумался и пропустил клёв, схватил удочку – крючок был пуст. Игорёк снял пузатого карпика, не успевшего даже прикусить червяка, и забросил удочку снова. За их спинами стало светлее. Девчонки справились с костром. Судя по шумным голосам, народ прибывал. Звонко засмеялась Катька. К воде выбежали мелкие пацаны, стали клянуть удочки.

– Сколько раз я вам говорил – приносите свои, – назидательно произнёс Толик, но удочки были отжаты, и Толик с Игорьком отправились к костру.

Обычный светлый северный вечер вдруг нагнал жути. Костёр не рвался вверх, а приседал, жался к земле. Народ облепил брёвна. Светлым пятном чуть в стороне выделялись новенькие. Они сменили свои сарафаны на белые джинсы и кофты. Рядом стояла Сонька, переводила сонные глаза с одного лица на другое. Сонька убежит раньше всех, мать требует, чтобы дочь сидела дома. Толик переглянулся с Риткой. Она всё так же сидела на своём месте и задумчиво ковыряла корочки с расчёсанных укусов. Выступающую кровь размазала по икре, а потом с наслаждением вычищала ногти.

– Не будем мы фотографироваться, – тянули мелкие, оккупировавшие самое дальнее бревно.

– Да куда вы денетесь, – обречённо вздохнул Колян и поддёрнул кепку. – Наташа уже всех обошла. Даже меня от сена отпросила.

– А у меня платье – как мешок, – развела руками Сонька, пытаясь показать объём трагедии. – Поясом обвязалась, а оно только хуже стало.

Разговор застопорился. Поляну накрыла тишина. Даже костёр не трещал. И вдруг среди этой тишины раздался долгий протяжный стон, низкий и хриплый. Малышня ойкнула.

– Это жених свою невесту ищет, – таинственным шёпотом сообщил Толик, заставив всех посмотреть на себя.

– Какой жених? – разлепила Сонька почти склеившиеся от желания спать глаза.

– Утонувший, – отозвался Толик. – Он ближе к Илье Пророку как раз появляется.

– С чего тут утопленнику появиться? – Катька упёрла руки в боки. – Никто у нас не тонул. Народ вокруг пугался, что Толика веселило.

– А чего ему не появиться? – усмехнулся он. – Сама ж легенду рассказывала. Про мёртвую свадьбу.

– Так этой легенде сто лет в обед. И не здесь это было, а в Сенной Губе. А она вона как далеко, – Катька махнула в сторону озера. – Отсюда не видать.

– Не там, а здесь, – Толик показал руками себе под ноги. Все заворожённо уставились на его разбитые кеды. Толик кивнул Ритке, та кивнула в ответ и соскользнула с бревна. Никто этого не заметил. – И примета есть, – старательно переводил внимание на себя Толик. – Как туман на озере поднимется, так жди утопленника. Кому он в глаза посмотрит, тому через три дня быть мёртвым.

– А почему не сразу мёртвым? – проворчала Катька, напирая на Толика животом.

– Хорошо, тебе сразу, а всем остальным через три дня, – согласился Толик.

– Покажи мне утопленника, я сама его утоплю, – не сдавалась Катька.

– А пойдём, – поманил за собой Толик. – Вот сейчас на берегу и посмотрим. Ты думаешь, это что за крик был? Это утопленник себе новую невесту искал.

– Вот балабол, – всплеснула руками Катька и, решительно припечатывая пятки в землю, отправилась к берегу. С брёвен сорвались все. Мелкие, путаясь под ногами и заставляя спотыкаться, рванули вперёд, оттеснив старших в кусты. В суматохе Толик отбежал в сторону. На него белым привидением выплыла Ритка в костюме Снегурочки.

– Чёрт, напугала, – сплюнул Толик, поднял руку, чтобы постучать по дереву, как всегда делала мать, но дерева поблизости не оказалось. Он стукнул себя по лбу.

– Чего делать-то? – Ритка помахала слишком широкими и длинными для неё рукавами.

– Там между кустами проход есть, а в нескольких шагах от берега камень, – показал Толик. – Идти неглубоко. Встань на камень и позови меня.

– Как позвать? – Ритка с наслаждением почесала икру.

– Как-нибудь, только не по имени. – Толик прыгал на одной ноге, влезая в красные шаровары.

Над озером снова пронёсся странный крик.

– Что это? – замерла Ритка.

– Да какая разница! Утка тонет.

С косовороткой на голове Толик побежал вокруг кустов – он присмотрел ещё один подход к воде, где можно было поднырнуть и выплыть как раз около торчащего валуна.

Воздух дрогнул от тяжёлого вздоха: за горизонтом начиналась гроза.

На берегу гомонили. Катька топталась по колено в воде и вглядывалась в воду.

– Ну где? Где? – орала она.

Новенькие устроились чуть в стороне в кустах. Это было неправильно, потому что испугать Толику хотелось именно их. И только их. А так далеко они могут ничего не увидеть.

– Ах, – пронеслось над водой – это уже входила в образ Ритка. Мелкие пацаны завизжали и стали проталкиваться назад, выбираясь из озера.

– Милый! – простонала Ритка.

Толик подумал, что в ней погибает актёрский талант, и медленно опустил пузом в Онегу. Ему предстояло по камням проползти метров сто и сделать это как можно тише.

– Ах! – заломила руки Ритка.

Толпа на берегу окаменела. В надвигающейся темноте серебряный костюм Снегурочки блеснул, чётко обозначив невысокую Риткину фигуру, но при этом зачернив голову.

– Тоска! – провыла Ритка, не столько от лица невесты, сколько искренне, от себя.

Сбивая пальцы и разрывая о камни косоворотку, Толик заспешил к «невесте».

– Приди! – простёрла руки над водой Ритка.

– Ой, – громко произнесла Сонька.

– Посмотри на меня! – перешла на низкий регистр Ритка.

Толик врезался в камень плечом и всплыл.

На берегу ахнули.

– Люблю тебя! – как-то слишком проникновенно вдруг произнесла Ритка, поворачиваясь в сторону поднявшегося «жениха».



Опять опускаться было бессмысленно, и Толик встал. Хотел сделать это красиво, как в фильмах, – поднялся такой и медленно пошёл. Но камни под ногами не дали создать нужный эффект. Он оступился и обрушился, при падении отбив зад.

Народ качнулся от берега и, затаптывая друг друга, отступил от воды. Толик заметил, что новенькие белыми тенями зачем-то стали ломиться через кусты вдоль берега. Он рванул за ними, но тут навстречу ему что-то метнулось, и Толик опять упал.

– Ты чего? – вздёрнулся Толик.

Игорёк заржал, опадая в воду.

– Вот идиот! – тыкал он пальцем в Толика. Камни тоже не давали ему встать, и он всё заваливался на бок. – А я думал – кто это?

– Ты ещё невесту не видел, – проворчал Толик. Секрет теперь сохранить не удастся.

Они с Игорьком перестали барахтаться и уселись в воде. Игорёк снова заржал.

– Ну ты совсем... – начал он и испуганно замолчал, потому что над озером пронёсся пронзительный визг. Толик глянул на камень, где продолжала отсвечивать дурацким костюмом Ритка. Но это была не она. Наоборот, Ритка сама напряжённо смотрела в сторону берега.

Цепляясь друг за друга, Толик с Игорьком поковыляли на голос.

Визг повторился. А вслед за ним раздался оглушительный всплеск. Словно в залив бросили кита.

«Ах», – пронеслось над водой.

Ритка соскользнула с камня и тоже стала выгребать на шум. Толик бросил попытки идти и поплыл. Первым выбрался к кустам.

Светлые фигуры новеньких словно светились на фоне разом приблизившихся туч. Та, что поменьше, стояла чуть в стороне по берегу и, прижав руки к груди, отчаянно визжала. Долговязая Иринка стояла над водой, сильно наклонившись вперёд, непонятно как удерживая своё тело в таком положении, почти горизонтально поверхности.

Снова ахнуло, и Иринка плашмя рухнула в озеро.

Толик нырнул. Успел услышать, как сзади ушёл в воду Игорёк. Орала и била ладонями по воде Ритка. Стало совсем темно. Толик шарил руками и ничего, кроме холодных скользких камней не нащупывал.

– Тяни, – прохрипели рядом.

Толик выскочил и увидел, что Игорёк пытается что-то поднять и это что-то вырывается. Через мгновение понял, что это Иринка, и протянул руки.

Тело Иринки было деревянным. Вдвоём с Игорьком они волокли её к берегу, но девчонка всё время ухитрялась вывернуться и снова погрузиться в Онегу. Как мертвец. Волосы металась по воде, и всё хотелось за них ухватиться, чтобы голова так страшно не пересчитывала камни на дне.

Уже на берегу Толик понял, что тащил Иринку не за руку, а за вытянувшийся подол свитера.

– Дышит? – метнулся он к голове утопленницы. Игорёк сидел на коленях и напряжённо смотрел ей в лицо. И он, и Толик боялись пошевелиться. В стороне тихо скулила Маринка.

Иринка открыла глаза и чётко произнесла:

– Видела.

Изо рта у неё пошла вода, она закашлялась, повернулась на бок и поджала под себя колени.

## Глава третья

### Блины на завтрак



Красные шаровары Толика наделали шороху по селу. Он и не подумал переодеться, а выдавая себя с головой, так в мокром и потащил вместе с Игорьком полуобморочную Иринку домой.

Всю дорогу та хватала парней за руки и уверяла, что видела... ВИДЕЛА... утопленника. Он посмотрел на неё из воды, улыбнулся и пообещал встретиться снова. Потом Иринка стала нести ерунду, что это её жених и что вместе они будут счастливы. Надо лишь три дня подождать. Три! И всё. Она дождётся. Ей же здесь очень нравится. Вот не хотела ехать, думала – скучотень это их Заонежье, а вышло – загляденье. Останется на все лето. Друзей позовёт. А потом и вообще жить переедет.

Баба Света глянула на их чудну́ю компанию и сразу всё поняла.

– Я тебя что просила? – потрясла она кулаком, наступая на Толика. – Я о чём с тобой разговаривала, аспид?

– Она сама, – растерялся Толик. – Кто её заставлял в воду лезть?

– А мокрая! Мокрая! Что стоишь? – набросилась она на вторую внучку. – Быстро домой!

Толик сбросил оседающую Иринку на руки Игорьку, отступил за калитку и бочком-бочком рванул по проулку. Надо было поскорее оказаться дома, переодеться и постараться как-то так всё рассказать матери, чтобы она не поверила больше ничьим рассказам.

Он вернулся к месту вечеринки, разогнал задержавшуюся мелкоту, смотал удочки, переоделся – его одежда так и валялась на берегу, по ней всего лишь кто-то несколько раз пробежался, – и отправился домой. С Онежской улицы свернул на огороды, где была безопасная тропа и где мало кто ходил. Дождь сеял, воздух наполнялся электричеством.

Мать стояла в дверях дома и смотрела на дорогу. Изба была полна света. Даже над задним крыльцом горела лампочка, а включали её, только когда кормили вечером кур. Но куры уже были загнаны на ночь, и сейчас ловили явно не их. В распахнутое окно комнаты был виден

стол, заваленный тканью. Непривычно молчащая машинка угрожающе подняла лапку. Увидев всё это, Толик понял, что с возвращением стоит обождать. Он отступил под деревья и заборами побежал к дому Коляна. Дождь зачастил. Толик стащил с пугала плащ, натянул на голову противогаз и забился в сарай. Здесь он уселся под скатом крыши, обнялся с удочками и стал перебирать в голове случившееся.

Почему Иринка заорала? С чего ей вздумалось купаться? Кого увидела, если они с Риткой были в другом месте? Почему вдруг все в деревне так всполошились? Ну подумаешь, пошутили. Они и не такое устраивали. Один сгоревший стог сена у Петровых чего стоил.

Надо, конечно, пойти домой. Но там врежут и удочки переломают. Если остаться здесь и прийти домой в ночи – врежут, а удочки... Нет, с удочками он не пойдёт. Спрячет под стропила крыши в сарае. Колян будет не против. А если немного отсидеться да потянуть время, то можно и драки избежать. Мать вечно занята, за машинкой сидит. Позлится, позлится да успокоится. И если никто Толику неудачную шутку с покойником не припомнит, то через неделю можно будет об этом байки травить у костра. Всем станет всё равно.

Из сарая ничего не было видно, зато всё было хорошо слышно. Мать пробежалась по улице, окликая соседей. Пообещала, что уши оборвёт вернувшемуся сыну, и просила, чтобы сразу отправляли его домой, если увидят, – а то ливень вот-вот.

Небо ворчал. Порывы ветра гнули деревья, сеяли морось. Но сумрак разразился не ливнем, а мелким дождём. Вода разом заполнила всё пространство, и даже прорезиненный плащ с пугала не помогал.

Из разговоров на улице Толик понял, что досталось всем, и Игорьку, и Ритке. Недобрую весть принесла Сонька. Она возбуждённо кричала Коляну через забор, что про розыгрыш Толика знают, что его ищут и что он покойник.

Колян выслушал всё это, стоя на крыльце, почесал затылок, утвердил кепку на её законном месте и, как только Сонька помчалась дальше, повернулся к огороду.

– Сидишь? – крикнул он.

Толик завозился в своём схроне, старая резина заскрипела. Колян спрыгнул с крыльца и пошёл, широко переступая клубничные грядки. Кепка на нём успела намокнуть, козырёк провис. В зубах неизменная соломинка.

– А меня отец всё посылает и посылает посмотреть, что с пугалом. Говорит, ветром плащ сорвало. Я думал, что за бред? В жизни не срывало.

– Ага, сорвало, – поддакнул Толик, плотнее кутаясь в одереженевшую от времени резину.

Всем своим видом ему хотелось показать, какой он несчастный и какие все вокруг виноватые, но любопытство пересилило.

– Чего там? – кивнул он в сторону улицы.

– Тебя мать ищет.

– И пусть ищет. Как всё успокоится, я в окно залезу.

– Волнуется.

Толик уставился на Кольку:

– А с чего все взяли, что это я? Мы с Игорьком, между прочим, её спасли. Она уже тонуть собралась. А потом на себе тащили.

– А разыграл кто?

– Кто? – сунул нос в воротник плаща Толька. – Не знаю кто.

– Так Ритка первая пробежала по домам и рассказала, что ты предложил новеньких напугать. Ещё и историю про мёртвую свадьбу вспомнил.

– А чего Ритка?

Толик глубже закопался в плащ. Он хотел вообще в нём раствориться, чтобы на некоторое время стать невидимым и неслышимым.

– Ей мать вставила. Ритка всех убеждала, что это не она, но зачем-то в костюме осталась.

– А Иринка? – буркнул Толик, понимая, что всё не так хорошо, как ему казалось. Зря спрятался. Надо было сразу домой идти. Его сделали крайним, и теперь придётся оправдываться.

– Я ходил с народом к ним домой. Баба Света кулаками машет, говорит, чтоб близко больше к её дому не подходили. Всё, что нужно, мы уже сделали. Маринка выбегала на крыльцо, рассказывала, что сестра бредит, вроде как температура у неё. В бреду про утопленника твердит и всё хочет на Онегу пойти.

– А какого лешего они купаться полезли? Могли бы с берега смотреть. Как все нормальные люди.

– Маринка рассказывала, что это всё сеструха. Когда Ритка завывала, Иринка её за руку схватила и через кусты ломанулась, а потом сразу в воду полезла и стала тыкать, говоря: «Вот здесь, вот здесь!» Потом вдруг резко наклонилась, говорить стала с кем-то. И бухнулась. Тут и вы с Игорьком подоспели.

Толик мрачно смотрел в сумерки. Хорошая была идея. Потом бы поржали у костра. Непонятно, почему всё так плохо закончилось.

– А делать-то теперь чего? – спросил он, понимая, что трёпки не избежать.

Колян долго грыз соломинку, смотрел, как с козырька кепки капает.

– Может, прощения попросить?

– У кого? – Толик почему-то представил, что в знак прощения его опять погонят на озеро, заставят нырять, доказывая, что никакого утопленника Иринка видеть не могла. Но тут должен непременно вынырнуть обиженный утопленник с претензией, что его так плохо изобразили. Толик попросит прощения, обнимется с ними и клятвенно заверит, что больше никогда так делать не будет.

– У новенькой.

Толик вздрогнул, прогоняя образ братания с потусторонними жителями: в его фантазиях уже и русалки из озера полезли, и морские чудовища.

– Я её пальцем не тронул, – напомнил Толик. – Она сама зачем-то через кусты, а потом нырнула. Ладно бы она нас с Риткой испугалась. Так ведь нет.

– Ну тогда у бабы Светы, – Колян почесал лоб и вновь нахлобучил кепку.

– А у неё-то с чего? Она просила девчонок пригласить, я пригласил. Они сами...

– Тогда зачем ты тут сидишь? Шёл бы домой.

От неожиданного предположения, что он на самом деле и не виноват вовсе, Толик встал.

– погоди! Мать-то тогда почему злится? – остановил он сам себя.

Колян догрыз соломинку, бросил остаток под ноги.

– Мож, просто потеряла тебя, волнуется? Темно что-то. Обычно об это время светло.

Толик стащил с макушки противогаз. Тот неприятно щёлкал гофрированным хоботом.

– Я тогда пойду, – Толик потянул с себя плащ. – До завтра. Ты фоткаться-то будешь?

– Если не отменят. – Колян забрал противогаз и любовно прижал его к груди.

– С чего отменят-то? Не должны! – замотал головой Толик. Ему нужно было хоть за что-то зацепиться в будущем, чтобы прожить сегодняшний вечер. – Наташа говорила, фотограф уже приехал. И с коровой договорились.

– Так ведь дождь, – показал на небо Колян.

Дверь дома ухнула. На крыльцо вышел Колькин отец, дядя Миша, крупный приземистый мужчина. Толик упал на четвереньки и между грядок пополз к калитке.

– Чего там? – крикнул дядя Миша.

– Свалилось, – поднял на руках тяжеленный плащ Колян.

Толик выскользнул на дорогу.

– И калитку закрой! – приказал дядя Миша. – За обормотом... – добавил он тише.

Дождь начал донимать. Ветер хлесткой водяной метёлкой охаживал лицо и шею, пробивал сквозь футболку.

По всей деревне свет уже почти не горел. Их с мамой дом тоже стоял тёмным. Толик потоптался на крыльце, подумал и пошёл вкруг избы. Остановился на заднем крыльце. Но и с него сошёл, пробрался к кухне. Все окна были закрыты, но он знал, что одно рассохлось и треснуло, поэтому легко открывается снаружи. Он поддел расщепившуюся планку, и створки охотно поддались нажиму. Прислушался к тишине кухни. Тикали часы, гудела заблудившаяся муха. Перебрался через подоконник, сполз на пол. В комнату не пошёл – мать сразу проснётся, а полез на печку. Места здесь было мало. Освободил пятачок среди коробок и банок, подтянул под себя столетний тулуп, утопил нос в кисло-вонючей шерсти и уснул.

Сон был тревожный. Спать на жёстком Толик не привык, поэтому постоянно ворочался. Из сна в сон он оказывался на озере. Это был знакомый родной берег. Празднично украшенная пристань. Толик был уверен, что готовится какое-то торжественное событие. Что идущие издалика лодки – это кижская регата. А наряженные люди на пристани – местные, собравшиеся танцевать заонежскую кадрили. Но людей в костюмах оказалось слишком много, и были они все какие-то незнакомые. Лодки приближались. На них играла музыка, от бортов развевались ленточки. Все смотрели на эти лодки, но почему-то не радовались. Вдруг поднялся крик. У Толика над ухом сказали: «Так им и надо!» – и он проснулся уже окончательно.

Мать жарила блины. Стоял обалденный запах, вкусно шкворчало масло. Толик приподнялся. За ночь он ухитрился расчистить себе место на печке, раскидав коробки с банками по углам лежанки и растянувшись во всю длину. Ещё и старой телогрейкой сверху прикрылся. Толик почесал в затылке – он, на удивление, выпался.

Стопка блинов на столе звала к себе.

– Слезай, – сухо сказала мать, заметив движение за занавеской.

Толик с наслаждением потянулся – после вчерашнего двойного купания сначала в озере, а потом под дождём хотелось немного размяться.

– Слезай, говорю, – с раздражением повторила мать.

Толик слез. Кеды были ещё мокрые, и он босиком прошлёпал по деревянному полу. За окном серело.

– Садись.

Мать выставила ближе к его краю стола чашку, плеснула кипятка.

Толик посмотрел, как крутятся в водовороте воздушные пузырьки.

– Я не виноват, – начал он, но мать перебила его:

– Завтракай.

Это было очень щедрое предложение. Мать обычно спала дольше Толика, завтрак не готовила. Блины – это по-царски. Но странно. Поэтому надо было действовать на опережение.

– Они сами, – начал Толик, поднося чашку ко рту, но мать его опять перебила:

– Значит, так, – она села на угол и положила перед собой руки. На светлой скатерти они показались вдруг большими и тёмными. – Про вчерашнее я слышать не хочу. Это всё показалось. Перед грозой бывает. Девчонка просто заболела – такое тоже бывает. Перекупалась на сиверке и простыла. Ты к ним больше не ходишь.

Толик подавился чаем.

– Так баба Света сама попросила с ними дружить, – напомнил он. – Когда я с фартуком...

– А теперь я тебя прошу этого не делать, – жёстко оборвала его мать.

Посмотрела тяжело. Прямо припечатала просьбу к Толикову лбу. Или машинкой вышила. Острой стальной иглой.

Толик оторопел и на всякий случай отставил чашку подальше. Не то чтобы он с матерью никогда по-родственному не разговаривал. Она его постоянно просила то сбегать за тканью в магазин, то по заказчицам разнести готовое, то позвать кого на примерку, а потом пойти

погулять часика на два. Но её просьбы никогда не касались лично его. Даже про школу не спрашивала. Ушёл – и ушёл. Пришёл – в магазине кое-что надо.

– Ты меня услышал? – настаивала мать.

– А если я их на улице встречу? – вильнул в сторону от прямого ответа Толик.

– Пройдёшь мимо, словно не знаешь. Но ты их не встретишь.

– Они уезжают? – В душе Толика всколыхнулась радость.

– Им будет сейчас не до прогулок.

«Не уезжают», – мысленно грустил он.

– Так у нас съёмка сегодня, – вспомнил Толик. – Они могут прийти.

– И не до съёмок. Ты меня услышал, спрашиваю?

Толик кивнул. Он услышал. Он очень хорошо услышал. Но ничего не понял. Мать придвинула тарелку с блинами, и он начал есть их со сметаной и сгущёнкой. Не глядя, забрасывал в рот и, почти не жуя, глотал.

Мать смотрела в окно.

– Чёрт меня дёрнул за этот фартук взяться, – пробормотала она, выстукивая быструю дробь по деревянной поверхности стола. – Как чувствовала...

– Чего? – не понял Толик.

– Ничего! – поднялась мать. – Вон как сиверик задувает. Праздник, наверное, отменят.

Она ушла в комнату, и оттуда сразу раздался стрёкот машинки. Толик тут же перестал есть и уставился в окно. Сиверик дул, порывами проходя по деревьям, серыми волнами прогоняя дождь. Погода стояла ужасная, как раз для сидения в комнате с телефоном в обнимку. Но именно сейчас хотелось оказаться подальше от дома. Чтобы не было вопросов, а было побольше всего понятного.

Толик влез в джинсы. Они неприятно обняли колени, за пару тёплых недель кожа успела привыкнуть к свободе. Носки искать не стал, они были где-то в комнате, а там сейчас работала мать. Сунул ноги в сапоги. Натянул куртку.

Чтобы лишний раз не проходить под своими окнами, Толик побежал огородами. На развилке подумал и направился к дому Ритки. Не сделал и двух шагов, как навстречу ему вырулила сама Ритка с бидоном в руке. Увидев Толика, она замедлила шаг, заводя бидон за спину. Толик тоже притормозил, потому что бидон за спиной значил что угодно. Могло и по кумполу прилететь вместе с молоком. Ритка нервная. Недосып сказывается.

– Ты чего так рано? – кивнул он на руку с бидоном. Обычно все за молоком по вечерам или в обед ходили. Ради утреннего мало кто вставал.

– Вчера взять не успела. Мне оставили.

– А вчера чего?

– Чего? – Ритка не сводила с Толика глаз.

– Ничего не слышала, чем всё закончилось?

– Так дождь. И не выпустили меня. Про молоко только ночью вспомнили. Тебя наказали?

Толик разулыбался и замотал головой.

– Нет. Наоборот, мать блинов с утра нажарила.

Ритка поморщилась, потёрла свободной рукой бок.

– Я теперь только за молоком и в магазин. Ну и с сеструхой.

Она качнула бидоном. С такими маршрутами Ритка явно домой не торопилась.

– Съёмка же, – напомнил Толик.

– Так её отменили. Погоды никакой. Говорят, как солнце выйдет, они и снимут.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я костюм утром Наташе относил. Она с фотографом как раз разговаривала. А твой где?



– Кто? – Толик испугался, что пропустил важное – у него была договорённость с фотографом, но он проспал.

– Костюм.

Тут он второй раз испугался, потому что совершенно не помнил, где расстался с костюмом. Он его снял, нёс в руках, но домой пришёл уже без него. Ещё хотел, чтобы мать зашила.

– Чёрт, – похолодел от воспоминаний Толик. – А ты зачем всем рассказала, что это мы разыграли новеньких?

На это Ритка ничего не ответила, а сделала быстрый шаг в сторону, обходя Толика, и побежала по дороге. Толик свернул в другую сторону. Прежде чем что-то предпринимать, надо было разузнать новости. Он сунулся к Соньке, но из окон её дома звучал ор – взрослые с удовольствием ругали друг друга. Слышен был тонкий голосок Соньки: «Не надо! Ну не надо!» Повернул в другую сторону. Сонный Игорёк на крыльце своего дома надевал сапоги.

– Тебя куда? – присел рядом с ним Толик.

– Мать на покос велит съездить, стожки проверить. Говорит, ветер сильный, может раскидать.

– А слышал, что съёмок не будет?

– Да какие уж теперь съёмки, – поморщился Игорёк.

Толик внимательно посмотрел на него. Выглядел приятель помято, словно его сначала хорошенько побили, а потом всю ночь не давали спать.

– Как думаешь, это что вчера с городской было?

– Чего? – хмуро глянул Игорёк.

– Ну, почему она в воду и тонуть сразу?

Игорёк вздохнул. Покосился на огород. Опять вздохнул.

– Плавать не умеет, – произнёс, наконец, он.

– А полезла зачем?

– Так может, она в птицы нырки подалась? Знаешь, есть такая...

Игорёк сошёл с крыльца, накинул капюшон на голову и пошёл к сараю за велосипедом. Говорить об этом ему было неинтересно. Толик проследил за ним взглядом и вдруг почувствовал, что тоже хочет куда-нибудь съездить. На денёк исчезнуть из деревни.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.